

Научная статья

УДК 371.83(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.21

Воспитательные практики формирования социальной ответственности пионеров 1960—1980-х гг. в современном поколенческом дискурсе

Наталья Ивановна Чуркина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, n_churkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-2427>

Аннотация. В статье на основе анализа материалов интервью представителей двух последних советских поколений сделан вывод о том, что воспитательные практики, направленные на формирование социальной ответственности, занимали важнейшее место в деятельности пионерской организации. Определены педагогические условия, которые повышали эффективность таких практик (использование методов стимулирования деятельности, высокая степень самостоятельности школьников, повторяемость и регулярность практик, обязательный отчет и поощрение лучших). Показано, что практики воспитания социальной ответственности у этих двух поколений были в основном идентичными, незначительные отличия состояли в большем акценте на трудовую деятельность у старшего поколения и широком использовании темы Великой Отечественной войны у поколения X. Наиболее продуктивными были практики, которые «тренировали» социальную ответственность в повседневной жизни и предполагали реальную помощь людям — старикам, младшим, отстающим в учебе.

Ключевые слова: социальная ответственность, пионерская организация, практики воспитания, поколение, дискурс поколения, интервью.

Благодарности. Исследование проводилось в рамках государственного задания на 2026 год на выполнение прикладной НИР по теме «Формирование социально ответственной личности школьников в открытой образовательной среде: методология и технологии» (дополнительное соглашение Минпросвещения России от 03.04.2026 № 073-03-2026-035/1).

Для цитирования: Чуркина Н. И. Воспитательные практики формирования социальной ответственности пионеров 1960—1980-х гг. в современном поколенческом дискурсе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 3 (59). С. 327—338. URL: https://vestospu.ru/archive/2026/articles/59/21_59_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.21.

Original article

Educational Practices for Developing Social Responsibility in Young Pioneers of the 1960s — 1980s in Contemporary Generational Discourse

Natalya I. Churkina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, n_churkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-2427>

Abstract. Based on the analysis of interviews with representatives of the last two Soviet generations, this article concludes that educational practices aimed at fostering social responsibility were crucial to the activities of the Pioneer organization. Pedagogical conditions that enhanced the effectiveness of such practices are identified (the use of activity-motivating methods, a high degree of student independence, the repetition and regularity of practices, mandatory reporting, and rewards for the best). It is shown that the social responsibility practices of these two generations were largely identical, with minor differences consisting of a greater emphasis on work activity among the older generation and the extensive use of the Great Patriotic War among Generation X. The

© Чуркина Н. И., 2026

most productive practices were those that “trained” social responsibility in everyday life and involved providing tangible assistance to people — the elderly, the young, and those lagging behind in their studies.

Keywords: social responsibility, pioneer organization, educational practices, generation, generational discourse, interview.

Acknowledgements. This study was conducted as part of the 2026 state assignment for applied research on the topic “Developing Socially Responsible Schoolchildren in an Open Educational Environment: Methodology and Technologies” (Supplementary Agreement of the Ministry of Education of the Russian Federation dated April 3, 2026, No. 073-03-2026-035/1).

For citation: Churkina N. I. Educational Practices for Developing Social Responsibility in Young Pioneers of the 1960s — 1980s in Contemporary Generational Discourse. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 3 (59), pp. 327—338. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.59.21>.

Введение

В последние несколько лет в России происходит активная адаптация различных социальных практик советского периода. Эти процессы затрагивают все сферы жизни: экономику, культуру, образование. Особенно заметны они на уровне школьного образования, где с 2013—2014 гг. идет консервативная модернизация, которая состоит в «последовательном возвращении... большинства форм и способов педагогической деятельности советской системы образования второй половины 70-х гг. XX в.» [4, с. 11].

Одной из наиболее масштабных ретроинноваций [3] стало создание молодежной общественной организации «Движение первых», которая соединила несколько организаций советского периода — октябрят, пионерию и комсомол, так как возраст ее членов — от 6 до 26 лет. В настоящее время организация объединяет небольшой процент детей и молодежи, но поддержка проекта со стороны государства не оставляет сомнений в том, что скоро она станет массовой.

Цель организации предполагает в том числе воспитание социально ответственной личности, поэтому «Движение первых» реализует отдельные социально ориентированные проекты, направленные на развитие социальной активности (волонтерство, экология, оказание первой помощи), но в общем потоке дел таких практик немного. Поэтому перед руководителями движения, педагогами-организаторами стоит задача поиска эффективных практик воспитания социальной ответственности.

В науке исторический опыт детских организаций (в том числе пионерской) рассматривается в контексте задач социального воспитания [17; 18]. В связи с этим обращение к опыту пионерской организации может помочь в выявлении, анализе преимуществ и недостатков их реализации.

Пионерская организация, созданная в 1922 г., по замыслу идеологов большевизма, должна была стать основой идеологической пирамиды советского государства, так как она объединяла всех детей (независимо от социальной принадлежности), работала на будущее единство общества. В середине пирамиды был комсомол, членами которого становились классово и идейно близкие новой власти молодые люди. На вершине идеологической пирамиды находилась небольшая по количеству, но сплоченная партия — группа единомышленников. За счет такой идеологической системы советская власть смогла создать себе не только достойную смену, но и обеспечить устойчивость и длительность своего существования.

Одной из важных характеристик социального государства является социальная ответственность граждан, которую в советской традиции трактовали как приоритет общественных интересов над личными.

Большинство современных исследователей указывают на связь между уровнем ответственности и выбором жизненных стратегий личности [2]. Еще одна важная характеристика этой категории подтверждает ее деятельностьную природу: социальную ответ-

ственность нельзя сформировать в домашних или лабораторных условиях. В связи с этим определение социальной ответственности как активной заботы человека о других людях (И. П. Иванов, Э. Фромм, М. Хайдеггер) наиболее точно раскрывает этот феномен.

Социальная ответственность в педагогической концепции И. П. Иванова раскрывается через понятие «общая забота»: «...это забота об улучшении жизни (своей и окружающей) путем создания и сохранения материальных и духовных ценностей, использования материальной, трудовой культуры (трудовая забота), научных знаний (познавательная забота), создания и использования художественно-эстетической культуры, художественных образов (художественно-эстетическая забота), физической культуры (оздоровительно-спортивная забота), культуры поведения, т.е. обращения с окружающими и культуры общения, т.е. обмена с другими личным опытом (моральная забота)» [12, с. 16]. Таким образом, забота (о людях, природе, явлениях) составляет основу социальной ответственности личности.

Еще один важный вопрос — оптимальный возраст и педагогические условия формирования ответственного поведения. В педагогике и психологии многими авторами отмечается, что это процесс динамический, он начинается в раннем детстве, в дошкольном возрасте [5; 6; 11]. Но при этом в значительном числе исследований периодом наиболее активного формирования ответственности как качества личности называется подростковый возраст [9; 20; 21]. Не случайно способность принять на себя ответственность рассматривают в качестве показателя того, «что структура личности как зрелого социального субъекта уже сформировалась» [16, с. 48].

Цель исследования — выявление и систематизация воспитательных практик формирования социальной ответственности пионеров 1960—1980-х гг. в современном поколенческом дискурсе.

Задачи исследования: определить теоретические основы изучения практик формирования социальной ответственности пионеров 1960—1980-х гг. в современном поколенческом дискурсе; провести классификацию этих практик в современном поколенческом дискурсе; выделить особенности практик формирования социальной ответственности пионеров на основе сравнения их репрезентаций в интервью с представителями поколения беби-бумеров и поколения X.

Для понимания практик и механизмов формирования социальной ответственности пионерской организацией нам необходимо обозначить еще несколько важных теоретических позиций.

Во-первых, говоря о воспитательных практиках, мы придерживаемся понятия, которое развивал П. Бурдьё, относя к практикам все виды культурных актов по изменению социального мира. Поэтому к воспитательным практикам пионерской организации по формированию социальной ответственности мы относим не только целенаправленную деятельность педагогов и организаторов пионерского движения, но и разные спонтанные (инициативные) практики, в которые включались дети.

Во-вторых, значимым теоретическим основанием для нас стала теория поколений. Несмотря на то что эта теория активно используется в общественной практике, а отдельные ее понятия стали частью современной массовой культуры, в научном сообществе к ней относятся настороженно. При этом пишутся монографии, защищаются диссертационные исследования в разных областях гуманитарного знания. Каждая наука делает акцент на разных аспектах: историки изучают исторический контекст взросления поколений, социологи в большей мере рассматривают социально-экономические процессы, антропологи — социокультурные явления. В работах основоположника теории поколений К. Мангейма отмечалось, что поколение определяется сходным «социальным местопо-

ложением» [19, с. 10]. Именно Мангейм впервые предположил, что поколенческая общность возникает, когда люди проживают в детстве и юности (период формирования личности) важные исторические события. Он писал о сходстве местоположения, имея в виду весь спектр понятия «место» (пространство географическое, культурное, социальное).

В-третьих, анализируя дискурс поколений, мы должны понимать, что в 1960—1980-е гг. проходило взросление представителей двух последних советских поколений (поколения беби-бумеров и поколения X). Социокультурные контексты их пионерского детства были совершенно разные: школьное детство беби-бумеров пришлось на период восстановления народного хозяйства после войны, в 1950—1960-е гг. начались серьезные общественно-политические процессы. Но при этом идеи общественного служения и блага общества, приоритета общественных интересов над личными были основой государственной идеологии. Они прозвучали в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС в 1959 г.: «Человек — общественное существо, его жизнь немыслима, невозможна вне коллектива, в отрыве от общества, с которым он связан множеством самых разнообразных отношений» [8, с. 50].

На XXII съезде КПСС (1961 г.) была принята новая программа партии, в которую вошел «Моральный кодекс строителя коммунизма». Многие характеристики строителя коммунизма в этом кодексе развивали разные аспекты социальной ответственности молодежи перед Родиной: «добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость...» [22, с. 318]. Эти идеи в исследуемый период повлияли на тематику диссертационных работ по педагогике и психологии, которые были посвящены проблеме формирования социальной активности личности [1; 7; 10; 13; 25].

Поколение X выросло в годы застоя, а его молодость пришлась на начало радикальных изменений в общественно-государственном устройстве. Сторонники теории поколений отмечают, что именно в подростковый период под влиянием различных социальных обстоятельств происходит формирование общих черт поколений. Эти условия взросления, несомненно, влияли на воспитательные практики формирования социальной ответственности и отношение к ним детей. Поэтому важно провести сравнительный анализ и выделить особенности формирования социальной ответственности разных поколений.

В-четвертых, успешность воспитательных практик формирования социальной ответственности связана со статусом детей в обществе, признанием их субъектности, с их реальными правами. Уже в первых документах советской власти, регламентирующих образовательную политику («Декларация о Единой трудовой школе», «Положение об Единой трудовой школе»), продвигалась идея «о полном участии детей в строительстве нового мира» [15, с. 17]. Но ее реализация в деятельности пионерской и комсомольской организаций в 1920—1930-е гг. имела противоречивые последствия, оценивалась негативно не только критиками режима, но и отдельными руководителями партии. На XIV партийном съезде в докладе Н. И. Бухарина прозвучала критика деятельности комсомола по руководству пионерским движением. В качестве недостатков работы он называл формализм, оторванность от запросов рядовых членов, копирование форм деятельности партийных и советских органов (собрания, митинги, совещания и др.) и сделал вывод: «...чтобы руководить детьми, нужно быть педагогом. Здесь нельзя действовать одним криком или — повязал красный галстук и довольно» [26, с. 820—821].

В-пятых, рассматривая проблему формирования социальной ответственности, ученые пишут о двух возможных типах атрибуции ответственности: первый — «когда от-

ветственность накладывается, второй тип, когда ответственность берется на себя добровольно» [16, с. 48]. Несмотря на то что каждый из них способствует формированию социальной ответственности личности, именно второй считается наиболее продуктивным, так как он демонстрирует степень социальной зрелости личности. В нашем исследовании это позволит классифицировать воспитательные практики, используемые пионерской организацией. Для каждого из видов практик должен быть свой набор педагогических средств и условий, обеспечивающий результат — формирование социально ответственной личности. Так, например, современные социологи выделяют несколько условий успешности практик, когда ответственность накладывается со стороны: «публичное приписывание права на субъектность; контроль над поведением субъекта ответственности в виде необходимости отчета о ходе деятельности; элиминирование оправдывающих обстоятельств (которые повлияли на выполнение или невыполнение определенных заданий)» [16, с. 49].

Источниками нашего исследования стали тексты около 100 интервью, которые проводились с представителями двух последних советских поколений, пионерское детство которых пришлось на период 1960—1980-х гг. Сбор материалов интервью осуществляли студенты факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета на основе вопросов, разработанных автором статьи. Интервью проводились анонимно, поэтому в их описании используются только основные характеристики: пол, год рождения, место проживания в указанный период.

Материалы интервью освещают разные аспекты деятельности пионерской организации, в том числе воспитательные практики формирования социальной ответственности членов организации в указанный период. Несмотря на то что интервью отражают индивидуальные представления, мы согласны с высказыванием К. Б. Уль: «Индивидуальный опыт человека может быть специфическим, но поколение в целом разделяет общий опыт, поскольку его представители взрослеют в одном и том же дискурсивном пространстве, им предлагаются сходные модели интерпретации реальности» [24, с. 280]. При этом к дискурсивному пространству взросления мы относим не только общий политический и социальный дискурс, но и общие книги, фильмы, музыку.

В качестве методов исследования были использованы анализ, синтез, классификация.

Результаты исследования

Анализ материалов интервью представителей двух последних советских поколений показал, что практики воспитания социальной ответственности были разнообразны и многочисленны, именно они составляли основной круг воспитательных практик пионерской организации в указанный период, многие из которых становились частью пионерской жизни.

В значительной части воспитательных практик пионерской организации ответственность на пионеров накладывалась взрослыми. Общими воспитательными практиками, участие в которых обосновывалось общественным благом (сохранение лесов, уборка территорий, изготовление необходимой техники), были сбор металлолома и макулатуры. Именно их в первую очередь называли все наши респонденты, отвечая на вопрос о пионерских поручениях. Эти практики были частью регулярной деятельности пионеров: «поручения как обычно — сбор металлолома, сбор макулатуры» (*жен., 1946 г.р., г. Уральск, Казахская ССР*); «мы постоянно принимали участие в сборе макулатуры, каждый год, даже осенью и весной, собирали макулатуру. Мы ходили всем классом и даже не просто, а делились отрядами и ходили по домам, собирали макулатуру. Если нужно было собирать металлолом, мы также разбивались на группы и ходили. Кто-то идет на ферму,

кто-то в лес, кто-то по другим местам» (*жен., 1958 г.р., Омская область*); «да, мы собирали макулатуру постоянно несколько раз в год. То есть старые газеты, журналы, книги ненужные — это все собиралось, мы несли это в школу, приезжала машина и забирала весь этот материал с собой» (*муж., 1971 г.р., г. Омск*).

Привлекательность и эффективность данных воспитательных практик заключалась в высокой степени самостоятельности детей. Взрослые могли курировать отдельные моменты организации (разделение на подгруппы, распределение территорий для сбора, назначение старших групп и др.) и стимулирования деятельности (соревнование между классами, материальное и моральное поощрение лучших пионеров и групп), но во всем остальном дети были свободны (место, время, способ и т.д.).

Такие практики были регулярно повторяющимися, с точки зрения содержания деятельности они практически не изменились за двадцать лет, перемены можно зафиксировать только на уровне дискурса: сравнительный анализ текстов интервью показывает, что поколение беби-бумеров с большим энтузиазмом относилось к такой деятельности. Даже через много лет респонденты подчеркивали значимость этих мероприятий для сплочения класса, повышения собственного группового статуса, а также как возможность получить поощрение не только для себя и класса (грамоты, призы), но и для школы (покупка нового спортивного инвентаря и др.). Представители поколения X, напротив, подчеркивали безвозмездный характер такой деятельности, ее несомненную практическую пользу, но при этом рутинный характер.

К этой же группе воспитательных практик, в которых социальная ответственность на пионеров накладывалась взрослыми, можно отнести все формы трудового воспитания (субботники, работу на пришкольных участках и участие в сборе урожая). Несмотря на различия в описании их частоты и масштабов у городских и сельских школьников, важен факт осознания нашими респондентами социальной значимости трудовой деятельности.

Сравнение речевых оборотов наших респондентов и их частотности при описании этих практик показывает, что такой деятельности было больше у поколения беби-бумеров, которые не только убирали школу и пришкольный участок, но и активно участвовали в сборе урожая: «Ездили на поля собирать картошку. Не только пионеры — это вся школа собирала. Первое сентября у нас начиналось с линейки, а потом мы все выходили. В колхозе было очень много работы: картошку сажали, морковь сажали и капусту сажали. И как раз в сентябре-октябре, когда взрослые еще были на уборке зерновых, а овощи оставались для школьников. Это было обязательно. Я не знаю, может, школе как-то платили колхозы, но все участвовали, начиная, наверно, с пятого класса» (*жен., 1959 г.р., Омская область*). Особенно высоко оценивает подобные практики старший сегмент этой группы поколения: «Великим делом для нас были поездки в колхоз, колоски собирать или копать картошку» (*жен., 1943 г.р., г. Тюмень*).

Наши выводы подтверждают и другие исследователи, которые отмечают, что именно в указанный период воспитательные практики пионерской организации требовали от детей ответственного поведения. Проявление ими данного качества связывалось с воспитанием самостоятельности и инициативности, чем активно занимались пионерские лагеря всесоюзного значения «Артек» и «Орленок» [14].

Несмотря на принудительный характер всех видов трудовой деятельности, она становилась частью пионерской жизни детей: в сельской местности она представляла собой часть домашней и общественной жизни, а городским школьникам давала возможность овладеть новыми трудовыми навыками. В период взросления поколения X государство стало развивать садоводство и огородничество для городских жителей, поэтому и пионеры городских школ относились к трудовой деятельности или нейтрально, или даже с удо-

вольствием (как перерыву в учебе): «На сельхозуборке нам тоже нравилось. Выполняли работу, допустим, картошку убрали, потом сели с учителем, развели костер, напекли картошки. Перед костром разговаривали, песни пели» (жен., 1969 г.р., Омская область).

Еще одной формой участия в общем деле была работа на пришкольном участке. Все пионеры знали, что собранный урожай предназначался для школьной столовой. Но эмоциональность подобных описаний и их доля в общем количестве практик у поколения X значительно меньше: государство в период позднего социализма изменило политическую риторику в отношении к детству, признавая детей в качестве объекта государственной заботы, им часто говорили, что «учеба — ваш главный труд».

Наиболее успешными были практики воспитания социальной ответственности, связанные с помощью особым социальным группам — ветеранам, пенсионерам, отстающим в учебе, младшим школьникам и др. Мы можем предположить, что во многом эффективность таких практик была обусловлена их включенностью в повседневную жизнь пионеров, они становились для них значимыми, ценностными. За счет повседневной повторяемости такое поведение (в основе которого лежит ответственность за другого человека) «способно к вызреванию в систему, которая представляет собой свернутый в сознании план действий, несущий в себе смысловую нагрузку (не обязательно осознаваемую)» [23, с. 59]. И несмотря на то что и этот вид ответственности первоначально накладывался на пионеров педагогами и вожатыми, ее регулярность и успешность зависели от самого пионера, от его личных качеств, активности и отзывчивости.

Такие практики вспоминали все наши респонденты. Это помощь старшим, причем в рассказах представителей поколения беби-бумеров ее редко характеризовали как «помощь ветеранам», в основном подчеркивали одинокий статус стариков: «Одной бабушке, помню, помогли убрать домашний огород, потому что детей у нее не было. Она была очень довольна и нас в конце угостила большим спелым арбузом» (жен., 1949 г.р., Омская область); «Еще мы помогали старичкам: где кому дровишки принести, где-то подмести, где-то двор убрать. В городе у нас частные были дома, маленькие, и вот как сейчас есть ветераны, и тогда тоже стареньким помогали, ходили к ним» (жен., 1946 г.р., г. Уральск, Казахская ССР). Скорее всего, военная тема в деятельности пионерской организации в 1950-е гг. еще не была центральной, в том числе и потому, что День Победы стал государственным праздником только в 1965 г.

Именно для поколения X помощь ветеранам и членам их семей стала одним из важнейших звеньев патриотического воспитания: ветераны приходили на встречи со школьниками, пионеры участвовали в поисковой работе: «Как сейчас помню: мы ходили к ветеранам, помогали им, приносили продукты, развлекали их, пели песни, общались, узнавали что-то новое. Кстати говоря, это было очень интересно для нас, и ветеранам было безумно приятно. Мы ходили звеньями по три-четыре человека. Кроме того, нам поручали приходиться к ветеранам и собирать информацию, рассказы, своего рода тоже интервьюирование» (жен., 1974 г.р., г. Омск); «Вот, например, в нашей школе у нас был пионерский отряд “Пламя”, и мы занимались с ветеранами. Делали открытки, а тем, кто переехал уже из нашего города, писали письма. Тем, кто остался в нашем городе жить, мы помогали с продуктами (покупали и приносили), выносили мусор, могли просто посидеть и поговорить с ними. Им это очень нравилось, они нас кормили блинами, пирожками... И вот в этом клубе мы стали больше уважать ветеранов, мы прямо трепетно относились к этому» (жен., 1974 г.р., г. Рубцовск, Алтайский край).

Еще одним предметом повседневной работы пионеров было взаимодействие с учениками младших классов. Его особую важность можно обнаружить в текстах интервью поколения X, возможно потому, что многие представители этого поколения были един-

ственным ребенком в семье. В воспоминаниях поколения беби-бумеров можно найти только несколько таких примеров: «Вот первоклашкам мы помогали одеваться, заплетаться, ходили в спальню и помогали. Первоклашкам помогали, вот учитель заболел, кого-то выбирали и мы заменяли учителей» (*жен., 1957 г.р., Омск*); «Еще шефство над октябрятами. И занятия проводили, читали книжки про героев, обсуждали, также велись беседы, что можно делать, а что нельзя. Наставляли, чтобы было все справедливо, чтобы честно» (*муж., 1961 г.р., Павлодарская область, Казахская ССР*).

В интервью поколения X чаще всего использовалось новое понятие «шефство»: «Шефство над теми, кто учился младше нас, мы там проводили всякие культурно-массовые мероприятия. Младшим, допустим, первоклассникам, это очень нравилось, когда мы проводили у них такие мероприятия» (*муж., 1971 г.р., г. Омск*).

В центр повседневной пионерской заботы попадали ребята, имеющие трудности в обучении. Эта проблема приобрела массовый характер и стала предметом государственной политики после Великой Отечественной войны, когда произошло снижение авторитета школы и учителя [27]. О том, что пионерская организация активно включилась в эту работу, подтверждают интервью всех наших респондентов. В качестве общей практики можно выделить прикрепление к отстающему ученику пионера-наставника: «К слабому в учебе ученику прикрепляли наиболее сильного и тот ему помогал, подтягивал» (*жен., 1943 г.р., г. Тюмень*); «вот, например, есть неуспевающий в классе, давали ему наставников. Прикрепляли двоечника к хорошисту. Подтягивали учебу. А потом смотрели за работой: хорошо выполнено или плохо» (*жен., 1946 г.р., г. Уральск, Казахская ССР*).

Это направление у поколения беби-бумеров становилось центральным для всего класса: «Мы никогда не уходили из школы, если какой-то ученик получил двойку. К каждому отстающему ученику был прикреплен лучший ученик» (*жен., 1947 г.р., Омская область*); «Если кто-то в звене получал двойку, то все собирались и ругали, что из-за него мы на последнем месте, и давали ему неделю подтянуть предмет. Хоть к двоечнику и подставляли в помощь отличника, не всегда первый хотел подтягиваться — прятался и убегал» (*жен., 1952 г.р., Алтайский край*).

По результатам успеваемости пионеров оценивалась работа пионерской организации школы, поэтому использовались разные способы влияния на отстающих: «...если человек плохо учился, его вызывали на совет дружины, пробирали до костей. Было стыдно, старались избежать этого, если конечно, пионер попадал в такую ситуацию» (*жен., 1959 г.р., Омская область*).

Для поколения X работа с отстающими учениками вошла в круг традиционных пионерских поручений, которое было у каждого члена отряда: «помогали отстающим в учебе, тоже в виде шефства. Ну, допустим, кто-то плохо учится, и нас прикрепляли к этому человеку. По одному, конечно. Помогали понять материал, занимались с ним на добровольных началах, никто за это не платил — мы помогали ему учиться. Каждому из нас было дано такое поручение». Но при всей важности такой работы, ее стали оценивать с точки зрения нарушения собственных интересов: «Много времени занимала именно работа с теми, кто хуже успевает в учебе, и зачастую не хватало времени на это все. То есть мы все это делали, но на это уходило достаточно много времени» (*муж., 1971 г.р., г. Омск*).

Оценить долговременные результаты воспитательных практик пионерской организации можно и по частоте использования понятия «ответственность» в текстах интервью, когда наши респонденты описывали свои пионерские практики. Многие респонденты поколения X отмечали, что уже вступление в пионеры рассматривалось как этап новой, взрослой жизни, главной характеристикой которой становилась ответственность: «есте-

ственно, когда стали пионерами, у нас появились обязанности» (жен., 1972 г.р., г. Омск); «...помогали старшим людям, всегда чувствовали свою какую-то ответственность — то есть то, что нас приняли в пионеры, накладывало на нас большую ответственность, что мы теперь можем как-то проявить себя, что-то организовать. Помочь кому-то... Больше ответственности было, чем до того» (жен., 1978 г.р., г. Омск); «Ну и конечно, к нам относились как к маленьким взрослым, степень нашей ответственности была очень велика. Хотя мы были детьми, нам хотелось бегать, прыгать, баловаться, но мы были обязаны нести возложенную ответственность. Мы будто бы раньше выросли» (жен., 1976 г.р., г. Омск).

Социальная ответственность транслировалась через пример старших, взрослых: «Большинство детей и вожатых были ответственные, отзывчивые, вот благодаря им, благодаря этой организации я научилась быть такой... сплоченной. И я всегда знала, что если у меня не дай бог что-нибудь случится, всегда поддержат, выручат, помогут» (жен., 1956 г.р., Кентау, Казахская ССР). Эти слова подтверждают вывод теоретиков о социальной ответственности как механизме социального государства. В качестве крайних методов воспитания ответственности, которые использовали сами пионеры, называли бойкот: «Ребята, которые отстранялись от такой активности, мы им устраивали бойкот! Мы с ними могли неделю-две не разговаривать, говорили им, что они нас подводят» (жен., 1977 г.р., г. Алма-Ата, Казахская ССР). Но это был единственный эпизод, который подтверждает необходимость педагогического контроля за любой самостоятельной деятельностью.

Заключение

Таким образом, как показал анализ материалов интервью представителей двух последних советских поколений, в деятельности пионерской организации воспитательные практики, направленные на формирование социальной ответственности, занимали важнейшее место. Среди них преобладали практики, в которых ответственность на пионеров накладывалась взрослыми, но за счет правильного использования педагогами методов стимулирования деятельности (соревнование между классами, награждение и поощрение лучших), их повторяемости и регулярности они способствовали тому, что большинство членов пионерских сообществ старались внести максимальный вклад в общее дело. Наибольшей продуктивностью обладали практики, которые «тренировали» социальную ответственность в повседневной жизни, кроме того, это был пример реальной помощи нуждающимся людям (старикам, младшим, отстающим в учебе).

Несмотря на некоторые отличия в описании этих практик двух поколений (в масштабах деятельности; социальных группах, нуждающихся в заботе; статусе воспитательных практик), можно увидеть, что именно такой опыт наши респонденты считали важным в формировании социальной ответственности. Анализ содержания деятельности педагогов подтверждает правомерность условий формирования социальной ответственности, к которым можно отнести: признание и поощрение самостоятельности реализации, но обязательный контроль хода и результатов деятельности; поощрение лучших (пионеров, групп, отрядов).

В результате использования таких воспитательных практик и указанных педагогических условий происходило формирование социальной ответственности пионеров, которая стала основой их жизненных стратегий: «И мы теперь можем себя поставить... на место другого человека и понять, что ему нужно. Я вот тоже думаю, что мы научились этому — сочувствовать, все детство у нас такое было, очень даже хорошее» (жен., 1955 г.р., Омская область).

Список источников

1. Аникеева Н. А. Формирование общественной и познавательной активности подростков в процессе деятельности пионерской организации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1966. 19 с.
2. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3—14.
3. Богуславский М. В. Динамика ретроинновационных процессов в современном российском образовании: от системных ретроинноваций к ретроинновационной системе // Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 28—30 сент. 2023 г. Волгоград : Ред.-издат. центр ВГАПО, 2023. С. 11—17.
4. Богуславский М. В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX — начале XXI в. // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 5—11.
5. Борисова З. Н. Дежурства в детском саду как средство воспитания ответственности у детей дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1953. 25 с.
6. Борцова М. В. Факторы становления начальных форм ответственности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007. 24 с.
7. Бушканец М. Г. Формирование интереса и склонности к общественной деятельности у подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1964. 21 с.
8. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. : стенографический отчет. Т. 1. М. : Политиздат, 1959. 592 с.
9. Гузенко Н. В. Проектная деятельность как средство развития социальной ответственности младших подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Архангельск, 2008. 22 с.
10. Данилова Н. А. Процесс формирования актива школьников-подростков : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1969. 313 с.
11. Данькова Е. Н. Педагогическая технология формирования ответственности у детей старшего дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2008. 22 с.
12. Иванов И. П. Наша забота // Педагогика общей заботы. СПб. : Образование, 1996. С. 16—17.
13. Кичатинов Л. П. Мотивы общественной активности подростков и их воспитание : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1966. 22 с.
14. Козлова А. В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957—1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75—115.
15. Козловская А., Козлова А. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 11—25.
16. Козырьков В. П. Разработка социологической категории ответственности // Социология. 2007. № 3—4. С. 45—54.
17. Кудинов В. А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России в XX веке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 1994. 25 с.
18. Мальцева Э. А. Детская общественная организация как пространство социального воспитания подростков : дис. ... д-ра пед. наук. Ижевск, 2006. 430 с.
19. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состоятельность — экономические амбиции / пер. с англ. Е. Я. Додина. М. : ИНИОН, 2000. С. 8—63.
20. Михайлова Е. И. Психологические особенности развития ответственности на рубеже перехода в юношеский возраст : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 24 с.
21. Осташева М. А. Психологические особенности развития социальной ответственности современных подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 25 с.
22. Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года : стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 3. С. 229—335.
23. Розенберг Н. В. Трансформация ценностей в рамках повседневной региональной культуры // Аналитика культурологии. 2006. № 2 (6). С. 58—62.
24. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: Роль молодежи во время «оттепели» / пер. с англ. А. Блюмбаума // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279—326.
25. Филиппова И. А. Формирование общественной активности школьников-подростков как социально-педагогическая проблема : дис. ... канд. пед. наук. М., 1969. 373 с.
26. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г. : стенографический отчет. М. : Гос. изд-во, 1926. 1062 с.

27. Чуркина Н. И. Нормативные основы и практики формирования ответственного отношения к учению в советской школе во второй половине XX века // Формирование ответственного отношения студентов и школьников к учению: история, теория и практика : коллективная монография / В. В. Белоусов, О. И. Березкина, А. В. Богдашин [и др.] ; ред.: Ю. Б. Дроботенко, Н. И. Чуркина ; Мин-во просвещения Рос. Федерации, Омский гос. пед. ун-т. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2025. С. 46—61.

References

1. Anikeeva H. A. *Formirovanie obshchestvennoi i poznavatel'noi aktivnosti podrostkov v protsesse deyatel'nosti pionerskoi organizatsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of social and cognitive activity of adolescents in the process of the activities of the Pioneer organization. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 1966. 19 p. (In Russian)
2. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. Istoriko-evolyutsionnyi sintez: vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii [Historical and evolutionary synthesis: mutual aid as a factor of evolution]. *Voprosy psikhologii*, 2013, no. 6, pp. 3—14. (In Russian)
3. Boguslavskii M. V. Dinamika retroinnovatsionnykh protsessov v sovremennom rossiiskom obrazovanii: ot sistemnykh retroinnovatsii k retroinnovatsinnoi sisteme [Dynamics of retro-innovation processes in contemporary Russian education. From systemic retro-innovations to a retro-innovation system]. *Realizatsiya ideinogo potentsiala istoriko-pedagogicheskogo znaniya v kontekste sovremennoi obrazovatel'noi politiki: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Orenburg, 28—30 sent. 2023 g.* [Realization of the ideological potential of historical and pedagogical knowledge in the context of contemporary educational policy. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf. Orenburg, Sept. 28—30, 2023]. Volgograd, Red.-izdat. tsentr VGAPO Publ., 2023, pp. 11—17. (In Russian)
4. Boguslavskii M. V. Konservativnaya strategiya modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya v XX — nachale XXI v. [Conservative strategy for modernizing Russian education in the 20th — early 21st centuries]. *Problemy sovremenno obrazovaniya*, 2014, no. 1, pp. 5—11. (In Russian)
5. Borisova Z. N. *Dezhurstva v detskom sadu kak sredstvo vospitaniya otvetstvennosti u detei doshkol'nogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Duties in kindergarten as a means of fostering responsibility in preschool children. Abstr. Cand. Dis.]. Leningrad, 1953. 25 p. (In Russian)
6. Bortsova M. V. *Faktory stanovleniya nachal'nykh form otvetstvennosti lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Factors in the development of initial forms of personal responsibility. Abstr. Cand. Dis.]. Krasnodar, 2007. 24 p. (In Russian)
7. Bushkanets M. G. *Formirovanie interesa i sklonnosti k obshchestvennoi deyatel'nosti u podrostkov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Developing interest and inclination towards social activities in adolescents. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 1964. 21 p. (In Russian)
8. Vneocherednoi XXI s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz. 27 yanvarya — 5 fevralya 1959 g.: stenograficheskii otchet. T. 1 [Extraordinary 21st congress of the Communist Party of the Soviet Union. Jan. 27 — Febr. 5, 1959. Verbatim report. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1959. 592 p. (In Russian)
9. Guzenko N. V. *Proektnaya deyatel'nost' kak sredstvo razvitiya sotsial'noi otvetstvennosti mladshikh podrostkov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Project activities as a means of developing social responsibility in younger adolescents. Abstr. Cand. Dis.]. Arkhangelsk, 2008. 22 p. (In Russian)
10. Danilova H. A. *Protsess formirovaniya aktivna shkol'nikov-podrostkov: dis. ... kand. ped. nauk* [The process of forming a group of adolescent schoolchildren. Cand. Dis.]. Leningrad, 1969. 313 p. (In Russian)
11. Dan'kova E. N. *Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya otvetstvennosti u detei starshego doshkol'nogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical technology of developing responsibility in senior preschool children. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2008. 22 p. (In Russian)
12. Ivanov I. P. *Nasha zabota* [Our concern]. *Pedagogika obshchei zaboty* [Pedagogy of general concern]. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1996, pp. 16—17. (In Russian)
13. Kichatinov L. P. *Motivy obshchestvennoi aktivnosti podrostkov i ikh vospitanie: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Motives for the social activity of adolescents and their education. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 1966. 22 p. (In Russian)
14. Kozlova A. V. *Kak vospitat' pionerov samostoyatel'nymi i initsiativnymi: pedagogicheskie taktiki "Artek" i "Orlenka" (1957—1991)* [How to raise independent and proactive young pioneers. Pedagogical tactics of Artek and Orlyonok (1957—1991)]. *Antropologicheskii forum*, 2020, no. 45, pp. 75—115. (In Russian)
15. Kozlovskaya A., Kozlova A. *Detskaya agentnost' kak predmet teoreticheskoi diskussii i prakticheskaya problema (antropologicheskii kommentarii)* [Children's agency as a subject of theoretical discussion and a practical problem (anthropological commentary)]. *Antropologicheskii forum*, 2020, no. 45, pp. 11—25. (In Russian)
16. Kozyr'kov V. P. *Razrabotka sotsiologicheskoi kategorii otvetstvennosti* [Developing a sociological category of responsibility]. *Sotsiologiya*, 2007, no. 3—4, pp. 45—54. (In Russian)

17. Kudinov V. A. *Obshchestvennye dvizheniya i organizatsii detei i molodezhi v Rossii v XX veke: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Social movements and organizations of children and youth in Russia in the 20th century. Abstr. Dr. Dis.]. Kostroma, 1994. 25 p. (In Russian)
18. Mal'tseva E. A. *Detskaya obshchestvennaya organizatsiya kak prostranstvo sotsial'nogo vospitaniya podrostkov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Children's public organization as a space for the social education of adolescents. Dr. Dis.]. Izhevsk, 2006. 430 p. (In Russian)
19. Mangeim K. Problema pokolenii [The Problem of generations]. *Mangeim K. Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations — competition — economic ambitions]. Moscow, INION Publ., 2000, pp. 8—63. (In Russian)
20. Mikhailova E. I. *Psikhologicheskie osobennosti razvitiya otvetstvennosti na rubezhe perekhoda v yunosheskii vozrast: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the development of responsibility at the turning point of transition to adolescence. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 1996. 24 p. (In Russian)
21. Ostasheva M. A. *Psikhologicheskie osobennosti razvitiya sotsial'noi otvetstvennosti sovremennykh podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the development of social responsibility in modern adolescents. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 1989. 25 p. (In Russian)
22. Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. (1961 g.) [Program of the Communist Party of the Soviet Union. (1961)]. *XXII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. 17—31 oktyabrya 1961 goda: stenograficheskii otchet* [XXII congress of the Communist Party of the Soviet Union. Oct. 17—31, 1961. Verbatim report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 3, pp. 229—335. (In Russian)
23. Rozenberg N. V. Transformatsiya tsennostei v ramkakh povsednevnoi regional'noi kul'tury [Transformation of values within everyday regional culture]. *Analitika kul'turologii*, 2006, no. 2 (6), pp. 58—62. (In Russian)
24. Ul' K. Pokolenie mezhdru "geroicheskim proshlym" i "svetlym budushchim": Rol' molodezhi vo vremya "ottepeli" [Generation between the "Heroic past" and the "Bright future". The role of youth during the "Thaw"]. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 15, pp. 279—326. (In Russian)
25. Filippova I. A. *Formirovanie obshchestvennoi aktivnosti shkol'nikov-podrostkov kak sotsial'no-pedagogicheskaya problema: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of social activity in adolescent schoolchildren as a social and pedagogical problem. Cand. Dis.]. Moscow, 1969. 373 p. (In Russian)
26. *XIV s'ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b). 18—31 dekabrya 1925 g.: stenograficheskii otchet* [XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Dec. 18—31, 1925. Verbatim report]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1926. 1062 p. (In Russian)
27. Churkina N. I. Normativnye osnovy i praktiki formirovaniya otvetstvennogo otnosheniya k ucheniyu v sovetskoj shkole vo vtoroi polovine XX veka [Regulatory foundations and practices for developing a responsible attitude to learning in Soviet schools in the second half of the twentieth century]. *Formirovanie otvetstvennogo otnosheniya studentov i shkol'nikov k ucheniyu: istoriya, teoriya i praktika: kollektivnaya monografiya* [Developing a responsible attitude to learning in students and schoolchildren. History, theory, and practice. Collective monograph]. Omsk, Izd-vo OmGPU Publ., 2025, pp. 46—61. (In Russian)

Информация об авторе

Н. И. Чуркина — доктор педагогических наук, доцент

Information about the author

N. I. Churkina — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 22.06.2026;
принята к публикации 20.08.2026

The article was submitted 10.05.2026; approved after reviewing 22.06.2026;
accepted for publication 20.08.2026